

бы въ голову полюбить Россію, даже никогда не вздумалось бы, что земля, въ которой онъ живетъ, называется Россіей, и что онъ самъ—гражданинъ этой земли. Поэтому, какъ понятно, что и теперь, когда, благодаря путешествію, онъ полюбилъ Россію,—какъ понятно, что это — не чувство, а новая мечта его празднопатающей фантазіи! «Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно, и такъ какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ.» Возвратившись въ Россію, онъ вооружился книгой для своихъ путевыхъ впечатлѣній и очинилъ перо. Но что будетъ изъ этого? Что напишетъ онъ? Что откроетъ? Что скажетъ вамъ? — Кажется, ничего!» (стр. 212). Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ не приученъ къ упорному труду: мы принимаемъ эту причину, но какъ одну изъ второстепенныхъ. Первая и главная причина—въ натурѣ Ивана Васильевича, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти,—въ его умѣ, неспособномъ выдерживать отрицанія и шти до послѣднихъ слѣдствій...

Теперь пойдемъ за нашими героями въ Москву на Тверской бульваръ и послушаемъ нѣкоторые отрывки изъ разговора.

- Откуда ты?
- Я былъ за границей.
- Вотъ-съ а гдѣ, коль смѣю спросить?
- Въ Парижъ шесть мѣсяцевъ.
- Такъ-съ.
- Въ Германіи, въ Италіи.
- Да, да, да, да... Хорошо... а коли смѣю спросить, много деньжонокъ изволилъ порастрасти?
- Какъ-съ?
- Много ли, братъ, промотыжничать...
- Довольно-съ.
- То-то... а батюшка-то твой, мой сосѣдъ, что скажетъ на это? Вѣдь старики-то не очень сговорчивы на дѣтское мотовство... Да и годы-то плохіе. Ты, чай, слышалъ, что у батюшки всю гречиху градомъ побило?
- Батюшка писалъ съ; я самъ теперь къ нему собираюсь.
- Хорошее дѣло—старика утѣшить. А... смѣю спросить, какого чина?
- Такъ и есть! подумалъ молодой человѣкъ, — 12 класса, отвѣчалъ онъ, запинаясь...
- Гм... не важно... а ужъ въ отставкѣ. чай?
- Въ отставкѣ.
- То-то же. Вы, молодые люди, вбили себѣ въ голову, что надо пренебрегать службой. Умны злишкомъ, изволите видѣть, стали.—А теперь, коли смѣю спросить, что вы намѣрены дѣлать-съ... Ась?
- Да я хотѣлъ бы, Василій Ивановичъ, посмотрѣть на Россію, познакомиться съ ней.
- Какъ-съ?
- Я хотѣлъ бы изучить свою родину.
- Что, что, что?...
- Я намѣренъ изучить свою родину.
- Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?...
- Изучать мою родину... изучать Россію.
- А какъ это вы, батюшка, будете изучать Россію?...

— Да въ двухъ видахъ... въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что, впрочемъ, тѣсно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши повѣрья и преданья, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, мнѣ удастся... виновать, намъ... мы, товарищи и я... мы дойдемъ до познанія народнаго духа, права и требованія, и будемъ знать, изъ какого источника должно возникнуть наше народное просвѣщеніе, пользуясь примѣромъ Европы, но не принимая его за образецъ.

— По-моему, сказалъ Василій Ивановичъ:— я напелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію—жениться. Брось пустыя слова, да поѣдемъ-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя небольшой, однакъ офицерской. Имѣніе у васъ дворянское. Партію легко найдешь. На невѣст у васъ, слава Богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить со старикомъ. Пора и объ немъ подумать.—Эхъ братъ, право—ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ничуть. Поутру въ поле; а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?... Житье, братъ... что твой Парижъ! Да главное, какъ заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожъ самъ-восьмь, да на гумнѣ столько хлѣба наберется, что не успѣешь молотить, а въ карманѣ столько цѣлковыхъ, что не сочтешь, такъ, по-моему, ты славно будешь знать Россію А?...“

Видите ли: не правы ли мы, сказавъ, что при этомъ миниатюрномъ донъ-Кихотѣ, Иванѣ Васильевичѣ, авторъ назначилъ Василію Ивановичу роль не Санчо-Пансы, а олицетвореннаго здраваго смысла, который, впрочемъ, и не подозреваетъ ни мало, что онъ—здравый смыслъ? — Мало этого: Василій Ивановичъ, въ отношеніи къ Ивану Васильевичу, не только олицетворенный здравый смыслъ, но и олицетворенная иронія. Все, что говорилъ онъ ему, можно перевести такъ: знаемъ мы васъ, голубчики! вы и молничаєте, и умничаєте, и ѣздите за границу, проматываетесь и дома, и на чужбинѣ и подымаете носъ кверху передъ нами, степными медвѣдями,—а вѣдь кончите же тѣмъ, что сами омедвѣдитесь не лучше нашего, и въ законномъ сожителствѣ съ какой-нибудь Авдотьей Петровной, съ кучей дѣтей, разжѣвшись, разошавшись и растолстѣвъ, отъ полноты сердца будете говорить: «Въ деревнѣ скучно? Ничуть! Поутру въ полѣ, а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?... Житье, братъ... что твой Парижъ!» Если бъ Василій Ивановичъ былъ хоть немного философски образованъ, онъ могъ бы прибавить къ этому: какъ ни заносись, мой милый, а дѣйствительность возьметъ свое,—и быть тебѣ не рыцаремъ, не философомъ, не реформаторомъ, а помѣщикомъ, да еще женатымъ на какой-нибудь Авдотьѣ Петровнѣ, которая смолodu болтала по-французски, а въ лѣтахъ будетъ держать дѣвичью въ страхъ не хуже моей Авдотьи Петровны. Я